

Т. Б. Перфилова

**ВОСПОМИНАНИЯ АВЗОНΙΑ И АПОЛЛИНАРИЯ СИДОНΙΑ О ПРЕПОДАВАТЕЛЯХ
ВЫСШИХ ШКОЛ ГАЛЛИИ IV – V ВВ.***

Высшие школы Римской империи полностью соответствовали представлениям космополитичного населения державы о сущности и ценности высшей ступени образования. Заинтересованный в получении образования человек стремился удовлетворить здесь свою любознательность, облагородить свою душу, прикоснуться к вселенской мудрости. Для него высшие школы были средством самоидентификации. Через высшую школу человек мог войти в узкий круг интеллектуального братства, объединённого знанием поэзии, философии, ораторского искусства. Таким образом, высшие школы были средством интеграции индивида в социум. Высшие школы обладали большим воспитательным зарядом: сформированные здесь установки, жизненные принципы, характер определяли стиль поведения человека, служили ориентиром в его самостоятельной жизни, в общественно-политической практике. Высшая школа, противница узкой специализации, снабжала своих выпускников универсальным, энциклопедическим знанием преимущественно литературно-риторической или философской направленности, стремилась развить все возможности человеческого существа (не упуская ни одной) с тем, чтобы её воспитанник был способен выполнить любую задачу, в зависимости от общественных потребностей и личного призвания. Император Юлиан “Отступник” лучше других своих современников выразил эту мысль следующим образом: “Одарённый человек, получивший классическое образование, становится способным на все виды подвигов; он может двигать вперёд науку, стать политическим вождём, военным, исследователем, героем: он как представитель богов среди людей”[1]. Окончивший высшую школу мог сделать головокружительную карьеру, получить известность, приобрести немеркнущую

славу. Империя, в свою очередь, удовлетворяла потребность в чиновниках, юристах, литераторах, “учёных” также за счёт высшей школы [2]. Единообразная на всём необъятном географическом пространстве система образования служила мощным фактором сглаживания этнических различий, создания однородного культурного пространства Римской империи. Роль образования в кросс-культурной коммуникации империи хорошо выявляется из следующей фразы, принадлежащей писателю II в. Лукиану: “Мужи, знатные родом или богатством, будут с уважением смотреть на тебя [образованного интеллектуала]..., ты будешь удостоен права занимать почётные должности в городе и сидеть на почётном месте в театре. А если ты куда-нибудь отправишься путешествовать, то и на чужбине ты не будешь неизвестен или незаметен... Если ты даже уйдёшь из жизни, то всё же навсегда останешься среди образованных людей и будешь в общении с лучшими” (“Сновидение, или Жизнь Лукиана”. Гл. 10 – 12).

Из названных функций высших школ становится понятным, какую значительную роль здесь выполняли преподаватели, какие ответственные задачи были возложены на них человеком, обществом, государством. В этой связи мы считаем небезынтересным обратиться к изучению профессионального и нравственного облика преподавателей.

Основным источником по этому направлению нашего исследования является поэма Авзония “О преподавателях Бурдигалы”[3]. Написанная в жанре эпитафии, изобилующая хвалебными отзывами и лестными характеристиками, она позволяет нам выделить качества преподавателей, востребованные античной высшей школой, и нарисовать портреты образцовых риторов. Основным методом, который мы использовали при раскрытии

поставленных задач, является контент-анализ текста поэмы.

Среди профессиональных качеств риторов самым важным была учёность, обладание богатым научным потенциалом. В “Последнем росчерке” к поэме (25) Авзоний для всех своих преподавателей использует термин “учёные” (25, 9); в “Заключении” поэмы он также называет “всех славных риторов” учёными (2).

Вторую позицию в списке профессиональных качеств занимает красноречие, ораторский дар. С помощью разных эпитетов Авзоний конкретизирует свои представления о наличии этого дара. Речь профессора может “быстро струиться” и “золото катить с собою” (1, 17); она может быть изящной, ясной, плавной, сладостной (4, 17) или, напротив, громкой, обильной, восхитительной (17, 4-5). Но, независимо от темперамента преподавателя и индивидуального стиля изложения, его речь должна приносить слуху истинную радость (там же). Таким образом, галльские риторы полностью следовали советам великого оратора Демосфена, который утверждал, что “в ораторском искусстве самое главное – искусство произнесения; и второе – тоже, третье – тоже”[4]. Вместе с тем эффективная форма подачи материала должна была, по мнению Авзония, соответствовать ясному содержанию и не завуалировать витиеватое пустословие; кроме того, речь преподавателя должна быть наполнена силой его чувства, душевными переживаниями. Не случайно поэтому Авзоний укоряет одного из известнейших риторов Толозы (Тулузы) Экскуперия, который был “красноречив без искусства” (17, 1), так как в его речи “чувства совсем не бывало” (17, 7). Напротив, Авзоний высоко ценит “золотой ум” (20, 2), а также убеждения, которые могут ум зажечь (15, 15) и быть лекарством для души (20, 4).

У преподавателей риторических школ, много цитировавших и выступавших с декламациями, большие требования предъявлялись к памяти. Авзоний очень часто, перечисляя лучшие качества грамматиков и риторов, упоминает о “креп-

кой” памяти и быстром уме (Parent. 3, 17), острой памяти и проворном уме (Profes. 22, 1). Поражаясь возможностям памяти своего главного учителя в Бурдигале (Бордо) Тиберия Виктора Минервия, он пишет: “Раз прочитав или услышав, ты помнил всё это настолько, что достоверность одна и в книге, и в слухе твоём” (Profes. 1, 23-24).

Среди качеств, которыми обладали лучшие риторы, Авзоний называет ревностное отношение к труду (к примеру, 2, 18), преподавательскую одарённость, то есть умение обучать (18, 15).

Высоко оценивается Авзонием способность профессоров “в стихи облекать слова” (5, 12-13), мастерство “прозой молвить, как и стихами, с равной силой” (21, 15).

К профессиональным умениям, упоминаемым в поэме по одному разу, относятся: остроумие, серьёзность, безупречность жестов.

Эпитафия, не предполагающая критики или проявления недоброжелательного отношения, не мешает Авзонию, между тем, в мягких тонах и сдержанных выражениях высказать своё представление о негативных качествах преподавателей. К ним относятся: “слабость в науке” (10, 46; 9, 1-2); несбалансированность видов интеллектуальной деятельности, которая отражается на качестве преподавания (22, 5-12); и, как уже отмечалось, равнодушие к предмету изложения, замаскированное отточенными манерами и даром красноречия, данным свыше (17, 7).

Авзоний, благодарный всем грамматикам и риторам, приложившим усилия к его развитию и профессиональному становлению, выделяет общие для всех преподавателей качества, которые не просто их сближают, но делают их родственниками по духу, мировосприятию. Во “Вступлении” к поэме он пишет следующие примечательные строки:

Нас с вами не кровь *породнила*,
Нет, – но людская молва, к родине милой
любовь,
Наше в науках усердие, забота о наших
питомцах

Нас породнили...

В этом четверостишии названы такие качества, присущие всем учителям, как патриотизм, трудолюбие, ответственность за судьбу подрастающего поколения.

Аполлинарий Сидоний – выдающийся представитель галло-римской знати – дополняет идеальный образ преподавателя Gallii своими восторженными отзывами о риторе Сапауде, работавшем в Виенне (Виенне): “Он соединял правильность расположения речи Полемона, важность Галлиона, плодовитость Дельфида, силу Алкима, деликатность Адельфа, точность Магна Арбория и нежность Виктория” (Epist. V, 10). Любопытно, что для сравнений Аполлинарий Сидоний использует имена некоторых профессоров, обучавших Авзония в Бурдигале.

В своей частной (личной) жизни лучшие преподаватели также могли быть, говоря словами Авзония, “образчиками нравов” (Profes. 1, 25).

Наиболее часто встречающиеся качества преподавателей как личностей – это их семейственность, супружеская верность, любовь к детям, преданность сыновним обязанностям (к примеру, 3, 10-11). Преподаватели Gallii, судя по сообщениям Авзония, занимали высокое общественное положение, которое позволяло им заключать выгодные браки. Например, Марциал, работавший грамматиком в Нарбоне (Нарбонне), взял в жёны блистающую красотой и происхождением дочь аристократа Кларенция, который был “тронут его дарованием” (18,5). Сиракузец Цитарий, обучавший греческой грамматике в Бурдигале и прославивший её своими занятиями, нашёл здесь знатную и богатую жену (13, 9). Дядя Авзония, Эмилий Магн Арборий, ритор в Толозе (Тулузе), “знатную взял жену с приданым” (16, 9).

Вторую позицию в личных качествах преподавателей занимают одновременно и доброжелательность к окружающим, и дружелюбие. Многие ритору могли вместе с Авзонием и его знаменитым дядей похвастаться, что “дружбу виднейших

людей” знали они (16, 10). Обеспеченность большинства галльских риторов, наличие больших процветающих имений позволяли им давать званые обеды, собирать гостей на праздники (1, 35), изысканно накрывать стол, быть приветливыми и внимательными к высокопоставленным гостям (15; 3, 11). Качества, противоположные хлебосольству и гостеприимству, – сдержанность, бережливость, простота, неприхотливость – занимают последнюю строчку в шкале личных достоинств преподавателей.

Из писем Аполлинария Сидония мы можем узнать о лицах, присутствовавших на торжественных застольях. Это были адвокаты, например Ницетий, величайший по благоразумию и искусству (I. VIII.6), поэты, например, смелый сатирик Секундин (I. V, 8), преподаватели и ораторы (Домиций из Клермонта и Сиagriй – I. VIII, 8), государственные чиновники (I. I, 5 и 9; I. III. 6).

Пирь, или симпозиумы, всегда были популярны в античности. Сопровождаемые пением, декламациями, интеллектуальными играми, “презентациями” литературных произведений, они, кроме духовного обогащения и насыщения комфортом общения, давали ощущение корпоративной сплочённости, общности интересов, что было особенно важно при сужающейся под ударами варваров территории Gallii и нестабильности жизни в поздней империи. Явная склонность галльской знати к увеселениям, невзирая на агонию державы, служит поводом для резкой критики некоторых историков. Так, С.В. Ешевский упрекает галло-римскую аристократию в беспечности и притуплении чувства опасности от надвигающейся катастрофы, связанной с наступлением германских племён [5]. Возможно, неадекватное восприятие на глазах меняющегося исторического пространства было тесно связано с оптимистичностью, весёлым нравом галлов, на что указывает Авзоний. Он ценит в преподавателях такие качества, как умение радоваться жизни, любовь к играм и увеселениям, жизнелюбие (7, 1-2). Непоци-

ан, грамматик и ритор Бурдигалы, которого Авзоний называет “лекарством” для его души, остался в памяти поэта как “весёлый, умный старец с молодой душой”, в котором не было ни капли желчи и без которого не обходилось ни одно серьёзное и ни одно забавное мероприятие (15, 1-5).

Важным качеством преподавателей, названным Авзонием, была их нравственность, которая рано или поздно “произрастала” и в их собственных детях, и в учениках. По мнению Авзония, нравственность как собирательное понятие включает в себя многочисленные проявления: отсутствие зависти и злобы (1, 31); щедрость к нуждающимся (2, 16); достойное поведение в семье и в отношении со слугами (3, 10-12); благоразумие (4, 19); предупредительность, доброту, милосердие (24, 9); кротость нравов (17, 15); воздержанность от гнева (20, 13).

В целом из эпитафий складывается благопристойный, положительный образ преподавателей. Из отрицательных личных качеств, упоминаемых Авзонием вскользь, названы: злоупотребление алкоголем (21, 7-9), прелюбодеяния (23, 3). Амбициозность и завистливость, осуждаемые Авзонием, как и неласковый нрав, были у грамматика Анастасия, который покинул Бурдигалу, надеясь на лучшую долю в Пиктаве (Пуатье), но и здесь, неимущим и убогим, он доживал свой век (10, 35-50).

В V в. представления об эталоне человека, который должен заниматься преподавательской деятельностью, не изменились. Аполлинарий Сидоний даёт блестящую характеристику своему другу, ритору Консентию, называя его “добрых нравов прекрасной опорой” (“Похвала Консентию”. 2) После многочисленных хвалебных слов в адрес его высокой образованности и эрудированности он даёт Консентию характеристику как личности. Тот собрал в себе все достоинства, которыми только мог обладать человек: ум, богатство, красоту, знатность, даровитость, целеустремлённость, усердие, прозорливость, внимательность, в том числе

к “родичам”, строгость и неподкупность, гостеприимство, щедрость, умение ценить свободу (455-475 и сл.).

Наиболее достойные преподаватели Галлии, как и других провинций Римской империи, удостаивались статуй у себя на родине, а лучшие из лучших – в Риме.

Произведение Авзония “О преподавателях Бурдигалы” содержит ценную информацию ещё по ряду вопросов: статусе преподавателей, их имущественном положении, карьере до или после окончания преподавательской деятельности. Несомненный интерес для нас представляют также его комментарии о механизме получения звания профессора и места на кафедре.

Наилучшие шансы получить профессорское кресло были у тех выпускников риторических школ, которые относились к разряду одарённых, незаурядных студентов. В стихах, посвящённых ритору Аттению Тирону Дельфидию, Авзоний сообщает нам, что он “едва от колыбели... прославленным поэтом бога сделался”, ещё мальчиком, “прославившим Юпитера, ...олимпийский получил венок” (5, 5-8). В этой фразе речь идёт о состязаниях в поэтическом искусстве, учреждённых ещё в 86 г. императором Домицианом, для вундеркиндов. Они выступали на Капитолии в Риме и получали золотой венок (корону) за виртуозное стихосложение или импровизацию [6]. Дельфидию, благодаря его талантам, удалось сделать блестящую карьеру адвоката и “царедворца”. Он “испробовал все должности высокие” (5, 29). Однако, обвинённый в заговоре против императора Констанция, организованном в 350-351 гг., Дельфидий был отстранён от управления римским государством и вынужден был вернуться на родину, в Бурдигалу. Здесь он стал ритором, как и его отец, Аттий Патера (5, 3), и “счастлив был среди наук” (5, 19).

Косвенным доказательством того, что лучшие выпускники риторических школ имели больше шансов начать преподавательскую деятельность, чем все остальные претенденты, является возраст некоторых коллег Авзония. Алетий Минер-

вий, “юношей светоч”, стал учителем, то есть грамматиком, в юные годы. Должность наставника молодёжи, так Авзоний иногда называет раторов (5, 33), он получил “в лета, в какие и самому бы можно учиться” (6, 5-11). С другой стороны, отец Алетия Минервия, как и в предыдущем примере с Аттием Тироном, был известным ритором в Бурдигале, поставленным Авзонием первым среди профессоров в эпитафиях. Следовательно, элемент протекционизма при назначении на должность всё же имел место. Напомню, что сам Авзоний смог приступить к преподавательской деятельности во многом благодаря поддержке своего отца, популярного врача и члена муниципалитета Бурдигалы.

В то же время известно, что в Бурдигале, как и во всём римском мире (исключение составляли лишь те высшие школы, в которых преподаватели назначались самими императорами), профессора избирались местными декурионами и получали жалованье из городской казны (Cod. Theod. XIII. tit. III. 5). Следовательно, число преподавателей было ограниченным; оно определялось специальными указами для городов трёх категорий (больших, средних и малых), и обрести место на кафедре было совсем непросто. Для того, чтобы пресечь протекционизм со стороны родственников или знакомых при выборе преподавателей высших школ, императоры, ценившие истинную образованность и заинтересованные в качестве знаний выпускников этих школ, издавали дополнительные распоряжения. В этой связи показателен закон 362 г., связанный с именем императора Юлиана, согласно которому избранные декурионами профессора должны были пройти дополнительное утверждение императором (ibid).

Видимо, меньше строгостей существовало при принятии на работу грамматиков. Авзоний сообщает, что некто Юкунд, брат его друга Леонтия “Сладострастного”, кафедру занял *случайно*, так как звания грамматика он, по общему мнению, не заслужил. Юкунд выделялся только

“рвением”, то есть у него не было ни знаний, ни опыта, которые очень ценились в Бурдигале (9, 1-4). Другому грамматiku, Фебицию – отпрыску друидов, кафедру “дал получить сын” (10, 25-26).

Как правило, должность грамматика предшествовала получению звания ритора. Сам Авзоний был сначала грамматиком (“О себе”, 15); его племянник Авл Геркуллан, закончивший школу в Бурдигале, смог занять его кафедру лишь после того, как тот приступил к работе ритором (Profes. 11, 1-3). Уже упомянутый Алетий Минервий в юные годы был грамматиком, затем обрёл статус наставника юношей (6, 5-10). Некоторые преподаватели Бурдигалы совмещали занятия грамматикой и риторикой, наподобие Непоциана, “умного старца с молодой душой”, “который сердцем глубоко постиг” труды выдающихся грамматиков и филологов I-II вв. Проба и Скавра, а в стиле был “лучше прочих раторов” (15,1; 10-13). Ритором “прекрасным” и грамматиком был Стафилий, “стоивший” и Скавра, и Проба, а также знаток трудов Геродота и Ливия (20, 7-8).

Грамматики приступали к профессиональной деятельности, обучая “малых и неумелых” (21, 4), совсем ещё юными (24; 6, 8; 9). Их скромный доход и “негромкая слава” (8, 6; 10, 20 и 41) были стимулами для дальнейшего повышения мастерства и связанного с этим продвижения по служебной лестнице. Однако некоторые доживали до глубокой старости, не приобретя богатства (10, 20) в звании грамматиков, на “скромной кафедре” (7, 10; 10, 40-50). Чтобы обрести более устойчивое материальное положение и престижный статус профессора с причитающимся ему гонораром и льготами, надо было обладать рвением (8, 5), преуспеть в науках (7, 9; 13, 3). К тому же и внешние обстоятельства, наличие вакансии, к примеру, тоже должны были складываться в пользу соискателя. Такие обстоятельства, очевидно, благоприятствовали и самому Авзонiu, когда он, после нескольких лет работы грамматиком, стал помышлять о профессорской кафедре

ре. Из знаменитых риторов Бурдигалы ему освободил место скончавшийся Латин Алким Алетий. Из сверстников у Авзония был только один соперник, Луциол. Авзоний учился вместе с ним в начальной школе, а вернувшись из Толозы, вынужден был слушать лекции Луциола, опережавшего его заслугами, как ученик (3, 1-4). Луциол был красноречив, умён, прекрасно писал и стихи, и прозу, умел обворожить воспитанников. Однако он умер совсем молодым и этим как бы расчистил путь Авзонию. Из риторов без стажа уже никто не мог представлять для него опасности. Постепенно начала расти слава Авзония, а вместе с ней число его студентов и благосостояние.

Преподаватели высших школ Галлии в IV в., по словам Авзония, не бедствовали. Садат, ритор из Толозы, обладатель славы “великого ритора”, обеспечил себе богатую старость (19, 5 – 6). Эксуперий, восхищавший аудиторию обильностью своей речи, обучал за большую плату племянников императора Константина I, детей его брата Далмация (17, 9-10). Обеспеченность средствами существования грамматиков и риторов могла являться следствием выгодного брака (13, 9; 6, 49), выполнения, помимо преподавательской деятельности, адвокатских обязанностей (24, 7; 5, 16). Многие риторы принадлежали к галльской знати (14, 7), поэтому не испытывали нужды даже в том случае, если городская казна задерживала причитающийся им гонорар. Сам Авзоний был обладателем трёх имений. Одно из них, описанное в стихотворении “Усадьба”, насчитывало 1150 югеров (около 50 га) земли под пашнями, виноградниками, лугом, лесом (21-23).

Только один раз в своих эпитафиях Авзоний упоминает о происхождении преподавателя из низших слоёв населения, из вольноотпущенников (Profes. 10, 30).

Грамматические и, особенно, высшие школы находились в зоне пристального внимания императоров, которые следили за нравственностью студентов (Cod. Theod. XIV. 9.1), покровительствовали

восстановлению разрушенных, как в Августодуне (Отёне), и строительству новых школ, проявляя заботу о пополнении количества грамотных юристов, чиновников, врачей, требуемых державе. Императоры, проводившие политику огосударствления высших школ, поставили грамматиков и риторов на государственную службу, распространив на них ряд привилегий высшего, сенаторского, сословия.

По закону 321 г. грамматиков и риторов, владеющие землёй, освобождалось от муниципальных повинностей. Их нельзя было незаконно привлечь к суду и подвергнуть физическим наказаниям. Кроме того, император Константин I (306-337 гг.), автор этого закона, повелевал выплачивать преподавателям причитающееся им жалованье из муниципальной казны и разрешал поурочные оклады (Cod. Theod. III. тит. 3, 1).

По закону от 323 г. Константин I освобождал врачей и преподавателей словесных наук, а также членов их семей, от всех должностей и обязанностей, налагаемых в принудительном порядке на всех куриалов (городских земле-владельцев), и, кроме того, гарантировал им свободу от воинской повинности, обязанностей постоя, налогов и повинностей, “дабы они удобнее могли учить многих свободным наукам и вышеназванным искусствам” (ibid. § 3).

В 374 г. император Грациан Август, учителем грамматиков и риторики которого был Авзоний, не без влияния ритора из Бурдигалы, состоявшего тогда в звании комита на императорской службе [7], направил префекту претория Галлии Антонию законоположение, напрямую адресованное преподавателям этой западной провинции. Такая забота о преподавателях Галлии может быть объяснена только тем, что свои юношеские годы император Грациан провёл в Августе Треверов, куда из Бурдигалы для него и был востребован Авзоний, к тому времени уже ставшим именитым профессором с 30-летним стажем преподавательской деятельности.

Приведём текст этого закона, направленного на укрепление материального положения галльских преподавателей [8]. “В *больших* городах, которые во всей провинции, порученной твоему великолепию, процветают и блистают *знаменитыми наставниками*, пусть занимаются воспитанием юношества лучшие (мы говорим о риториках и грамматиках, преподающих на аттическом и римском языках); пусть ораторы *получают от казны*, в жалованье, по двадцать четыре порции (анноны), учителям же грамматики, греческим и латинским, будет, по обычаю, выдаваться меньшее количество, двенадцать порций. Пусть города, пользующиеся правами метрополий, *выбирают знаменитых преподавателей*, а так как мы не думаем, чтобы каждый город был в состоянии платить своим риторам и учителям по своему желанию, мы оказываем знаменитому городу Августе Треверов ещё следующую милость: пусть в нём ритор получает тридцать порций, латинский грамматик – двадцать, и греческий грамматик, если найдёт способного, – двенадцать” (Cod. Theod. III. tit. 3, § 11).

Из закона следует, что преподаватели Галлии должны были получать жалованье сельскохозяйственными продуктами, количество которых определялось их местом работы и званием. Педагогический стаж и заслуги во внимание не принимались; размер гонорара от студентов также не оговаривался. Поэтому мы можем согласиться с В. Брюсовым, который утверждает, что *денежное* вознаграждение профессоров лишь в очень редких случаях было достаточным и учительская профессия в те времена не была выгодной [9]. На этот счёт существует и другое мнение. С.В. Ешевский, напротив, считает, что профессор получал довольно *большое* содержание *натурой*, и только бездарный или беспечный доживал свой век в школе, довольствуясь скудной платой [10]. Произведения Авзония, как мы уже отмечали, и Аполлинария Сидония не свидетельствуют о бедственном положении преподавателей Галлии.

Известность многих риторов, даровитых, увлечённых наукой или обладавших ценным талантом в поздней империи талантом поэта, позволяла им довольно часто достигать вершин политической власти. Сам Авзоний с 374 по 379 гг. прошёл всю лестницу высших и почётных магистратур поздней Римской империи, получив звание комита, открывавшее ему постоянный доступ ко двору, затем квестора священного дворца, позволявшее ему вести переписку и законотворческую деятельность сначала императора Валентиниана, затем его сына Грациана. Полномочия Авзония давали ему возможность реально влиять на дела управления империей. Законы, обнародованные в первые годы правления Грациана, несут на себе следы воздействия Авзония. Это был эдикт о вознаграждении профессоров от 374 г. и второй закон о сохранении в городах памятников древности (Cod. Theod. XV. tit. I. 19).

Авзоний выступает защитником бедного грамматика Урсула из Августы Треверов, забытого императором при раздаче новгородных чинов и подарков; он добился от Валентиниана проявления его милости к учителю (Epist. XIII).

Всех своих ближайших родственников, включая 90-летнего отца, Авзоний подключает к системе управления империей, раздавая должности. Сам он в 378 г. получил звание префекта претория Галлии, то есть начальника над всеми административными подразделениями провинции, а в следующем году – звание консула, которое венчало для него лестницу служебной карьеры (“О себе”, “Памяти отца”, “К внуку своему, Авзонию”) [11].

Коллега Авзония по работе в Бурдигале, профессор Непоциан, его друг и товарищ, тоже достиг должности наместника (Profes. 15, 18).

Известность другим преподавателям высших школ Галлии принесли победы на форуме, то есть судебные процессы, в которых они выступали адвокатами осуждённых (2, 17; 24, 7; 23, 2).

Вершиной профессиональной карьеры ещё одной группы преподавателей стало

наставничество детей или родственников императоров (17, 9-11).

Иные риторы прославились своим литературным талантом больше, чем педагогическим. По свидетельству Аполлинария Сидония, в Лугудуне (Лионе) и Массилии (Марселе) большим успехом пользовался поэт и преподаватель Севериан (Epist. XI. 15, 37), в Виенне – знаменитый деятель литературы того времени и ритор Сапауд (ibid. V, 10), в Бурдигале – самый именитый поэт V в. после Леона Нарбонского – Лампридий (ibid. IX, 15).

Города переманивали способных преподавателей друг у друга. Аполлинарий Сидоний упоминает о Лупе, риторе и поэте, который попеременно преподавал то в Ажене, то в Перигоре, чтобы удовлетворить требования того и другого города (ib. VIII, 11). “Лучшую” кафедру в Бурдигале (по сравнению с предыдущим

местом работы) получил в Бурдигале грамматик Конкордий, по сообщению Авзония (Profes. 10, 28-29). Седат из Толлозы тоже “мог бы свой труд разделить меж двумя городами” (ib. 19, 9).

Таким образом, в Галлии IV в. статус риторов был высоким, положение – стабильным. Материальное благосостояние позволяло вести жизнь щедрую, весёлую, беспечную. Галльские высшие школы были многочисленными, желающих завершить своё образование у известных профессоров было много (Aus. Profes. 14, 10; 1, 9-10). Тысячи выпускников школы в Бурдигале были существенным пополнением имперской армии чиновников и юристов. Преподаватели создавали свои династии (5, 3; 19, 11-12); среди “именитых и славных” они работали в Риме, Константинополе (22, 21).

Примечания

1. Цит. по: Марру А.-И. История воспитания в античности (Греция). М., 1998. С. 312.
2. На этот счёт, правда, есть и другое мнение. В. Брюсов связывал кризис Римской империи с неквалифицированностью администраторов, выходцев из риторических школ: “И когда императоры стали заполнять высшие должности людьми с высшим образованием, т.е. риториками, они создали целую армию чиновников, всего менее способных руководить империей при тех тяжёлых событиях, которые её ожидали”. (Брюсов В. Великий ритор. Жизнь и сочинения Децима Магна Авсония // Русская мысль. Кн. III. М., 1911. VIII. С. 12).
3. Авсоний. О преподавателях Бурдигалы // Поздняя латинская поэзия / Сост. М. Гаспаров. М., 1982. С. 64 – 81.
4. Поздняя латинская поэзия. Указ. изд. С. 616.
5. Ешевский С.В. Указ. соч. С. 81.
6. Соколов В.С. Плиний Младший. Очерк истории римской культуры времён империи. М., 1956. С.80.
7. Брюсов В. Указ. соч. С.28.
8. Цит. по: Гизо. История цивилизации во Франции / Пер. П.Г. Виноградова. Т.1 и 2. М., 1877. С.75.
9. Брюсов В. Указ. соч. С.16.

Ешевский С.В. К.С. Аполлинарий Сидоний. Эпизод из литературной и политической истории Галлии V века. М., 1855. С.9.